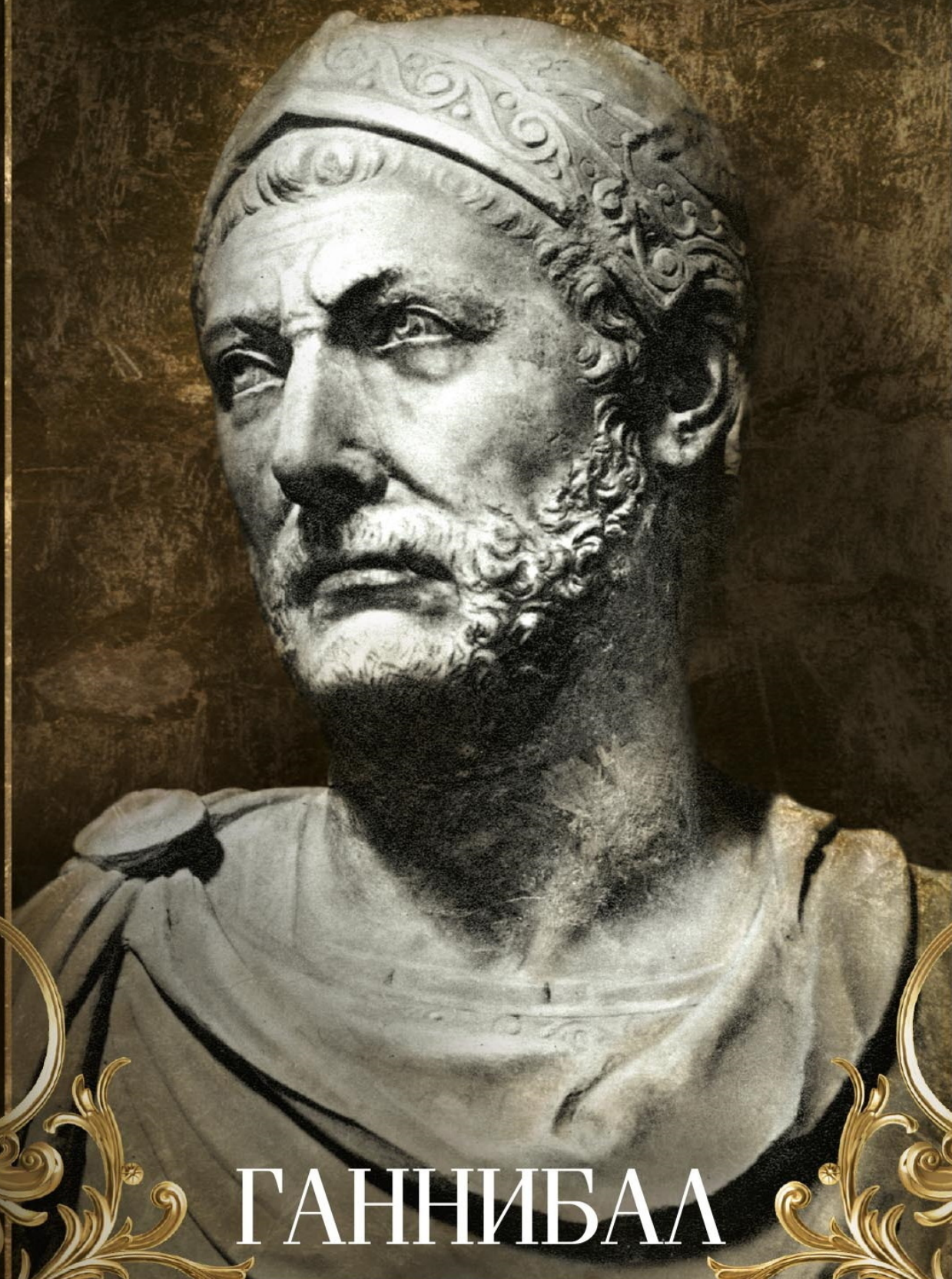

ВЕЛИКИЕ ПРАВИТЕЛИ

ГАННИБАЛ

ОДИН
ПРОТИВ РИМА

ГАРОЛЬД ЛЭМБ

Великие правители

Гарольд Лэмб

Ганнибал. Один против Рима

«Центрполиграф»

УДК 94(397.3)
ББК 63.3(0)32

Лэмб Г.

Ганнибал. Один против Рима / Г. Лэмб — «Центрполиграф»,
— (Великие правители)

ISBN 978-5-9524-5903-8

Эта книга — оригинальное беллетризованное жизнеописание величайшего полководца всех времен, легендарного предводителя карфагенской армии Ганнибала, чье имя приводило в трепет самых неустрашимых врагов, а великие деяния навсегда остались в анналах мировой истории. В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

УДК 94(397.3)
ББК 63.3(0)32

ISBN 978-5-9524-5903-8

© Лэмб Г.
© Центрполиграф

Содержание

Предисловие	7
Глава 1	10
«Гребцы твои завели тебя в великие воды»	10
Владыка морей	15
«Гамилькар приказал всем другим отступить...»	17
Сокровища Испании	20
Новый Карфаген	23
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Гарольд Лэмб
Ганнибал. Один против Рима

HAROLD LAMB
HANNIBAL
ONE MAN AGAINST ROME

© Перевод, ЗАО «Центрполиграф», 2023

© Художественное оформление, ЗАО «Центрполиграф», 2023

Предисловие

Ганнибал, сын Гамилькара Барки, карфагянин, жил на свете двадцать два столетия назад, но имя его нам знакомо так, словно это происходило вчера.

Нынешние школьники без особого интереса читают «Записки о галльской войне» Юлия Цезаря. По их мнению, победы Цезаря над галлами – дела давние и утратившие свое значение. Но историю о том, как Ганнибал вел своих слонов через Альпы, они воспринимают как захватывающее приключение, в котором участвуют сами. Это свойство детей отмечал еще древнеримский поэт-сатирик Ювенал. Но во времена Ювенала матери имели обыкновение пугать детей возгласом: «Ганнибал у ворот!»

Ганнибал прожил шестьдесят четыре года, примерно за сто лет до Цезаря и спустя столетие после Александра, царя Македонии. Это было время огромных перемен в Средиземноморье. До той поры люди здесь жили племенными сообществами в городах-государствах, управляемых старейшинами или советами. Начало перемен было положено греками, с их стремлением к индивидуальности и осознанием принадлежности к целому – единому космосу, который стал в конечном итоге Римской империей. Ганнибал был не менее причастен к этим переменам, чем более известные Александр или Цезарь, но совершенно иным путем.

«В том, что выпало на долю и римлян, и карфагян, – говорит нам Полибий, – были вина и воля одного человека – Ганнибала». И это вопреки тому, что Ганнибал потерпел поражение в последней битве, и вскоре после этого, а возможно, в какой-то степени благодаря этому, его город Карфаген был полностью уничтожен.

Уничтожен, но тем не менее Карфаген сохранился в нашей памяти не только как город, или владыка морей, или место обитания молчаливых людей, поклонявшихся необычным богам. Память о Ганнибале осталась жить, несмотря на глубокую тайну, которая окутывает все, кроме его имени и дат его жизни. Каков был его действительный ранг – царь или просто полководец; какая цель заставила его молнией лететь в Италию; каким родом войск он командовал и куда вел эти войска до тех пор, пока не произошла катастрофа, которую древние летописцы называли «войной Ганнибала»? И, самое главное, почему случилось так, что после того, как преследуемый в последние годы жизни и вынужденный доживать свои дни на отдаленном побережье, он одержал поразительную личную победу над сильным воинственным народом, который нанес ему поражение? Сам он так не считал. Заслуживающие доверия предания сохранили его слова: «Настало время положить конец беспокойству римлян, которые потеряли терпение в ожидании смерти ненавистного старца».

В иронии этих слов – его единственный автопортрет. До нас не дошли портреты этого карфагянина. Сохранились монеты с изображениями карфагенских слонов, но нет монет с изображением головы Ганнибала. Очевидно, никогда не возводились его статуи. Сам Ганнибал установил одну бронзовую мемориальную плиту – перечень его побед в сражениях, который должен был остаться в храме после того, как он покинет Италию. Ганнибалу нравилось писать, однако единственное сохранившееся произведение, написанное его рукой, – это одна древняя история, рассказанная для жителей острова Родос. Признанный специалист в области ведения военных действий, более искушенный, чем Александр и более победоносный, чем Наполеон Бонапарт, Ганнибал оставил современным стратегам триумфальную победу при Каннах, которую они довольно часто пытались повторить, однако, в отличие от других, не оставил ни афоризмов, ни советов, которым стоит следовать. На вопросы, предложенные историей, он словно бы ответил: «Мне нечего сказать по этому поводу».

Плутарх, неутомимый биограф выдающихся людей греко-римской эпохи, дал жизнеописание некоторых из тех, кто обрел известность благодаря своей оппозиции Ганнибалу. Эти жизнеописания не в меньшей степени относятся к самому карфагянину. Знаменитый Ци-

пион Африканский Старший, заслуживающий нашего внимания не менее, чем Гай Юлий Цезарь, получил наибольшую известность благодаря поражению, которое он нанес своему безмолвному сопернику. Его фраза «перенесение войны в Африку» вошла в поговорку, как и выражение «выжидательная тактика» применительно к Фабию Максиму, прозванному Медлителем. Катон Старший (Строгий), сыгравший немаловажную роль в событиях, известен главным образом своим неоднократным призывом «*Delenda est Carthago*» (Карфаген должен быть разрушен). В действительности все эти трое римлян известны нам исключительно потому, что они, каждый по-своему, поставили себя в оппозицию Ганнибалу.

Таким же образом память о Ганнибале сохранилась на всем Средиземноморье, которое стало «римским» после его смерти. Потому что он наблюдал за морскими волнами, разбивающимися о Священный мыс, за которым садится солнце. А там, где солнце восходит, на востоке, возле руин Трои, он попрощался со своими врагами. На заснеженных дорогах Альпийских гор вам скажут, что Ганнибал проходил здесь, но не скажут, с кем или зачем. Словно его появление имело смысл, который не так просто объяснить. Возникает чувство, что его появление изменило людей того времени. Словно произошло нечто необычное, изменившее всю их жизнь, и этот секрет необычности случившегося похоронен в скалистых холмах, которые не могут говорить.

Это так нетипично, чтобы память о человеке сохранялась столь долгое время. Особенно если учесть, что жизнь его была окутана завесой тайны. Загадочность, казалось, шла за ним по пятам. Загадка, как он перешел через Альпы, ведя за собой целую армию со слонами, привлекала ученых нескольких столетий. Их попытками разрешить ее заполнены сотни томов на библиотечных полках. Со своей стороны военные историки исследовали достижения Ганнибала в области военной науки, чтобы разгадать секрет его успехов, еще более неуловимый, чем секрет успехов Наполеона. Их труды почти столь же многочисленны, как и труды исследователей его переходов через Альпы. С другой стороны, письменных свидетельств жизни Ганнибала, сына Гамилькара, почти не найти, если не проследивать их по описаниям его кампаний.

Историографы видят причины такого молчания в самом этом человеке, и у них есть для этого все основания. Карфагеняне, объясняют они, были скрытными людьми, которые вели мало записей, и Ганнибал не был среди них исключением. К тому же, после окончательного разрушения их великого города, уцелевшие библиотеки были отданы соседним африканским правителям, которые могли читать по-финикийски, но, очевидно, не слишком бережно обращались с книгами. Сокровища искусства Карфагена были увезены в Рим или разданы достойным пособникам победителей. Оставшиеся в живых люди, рассредоточившиеся по всему Африканскому побережью, так и не смогли построить другой город, и их древние традиции с течением времени стерлись из памяти.

После того как последний большой пожар догорел на храмовом холме Карфагена, римский полководец Сципион Эмилий Младший произнес траурную речь по поводу обреченного города и его жителей: «Бог смерти и войны, всели дьявольский ужас в этот проклятый город Карфаген и в его войско и людей. Мы проклинаем с наивысшей силой этих людей и их войско. Мы проклинаем всех, кто занимал эти дворцы, всех, кто работал на этих полях. Всех, кто когда-либо жил на этих землях. Мы молим, чтобы они никогда не увидели больше небесного света. Пусть вечное безмолвие и опустошение воцарятся здесь. Пусть будут прокляты те, кто вернется. Пусть дважды прокляты будут те, кто попытается восстановить эти руины».

Дело было не в том, что Сципион Эмилий таким образом направил свой гнев на все, связанное с Карфагеном. Его проклятие было ритуальным действием, завершением его военного долга, словно печать, которую ставили на воцеленной дощечке для письма. Полибий, находившийся в этот момент рядом с полководцем, заметил, что его лицо было перекошено, и услышал, как тот пробормотал строку из Гомера: «Настанет день, когда священная Троя сгинет вместе со своим народом». Полибий спросил, почему он произнес такую пессимистическую

фразу. Римский победитель ответил, что подумал о том, что та же участь может постигнуть когда-нибудь и его собственный город.

Таким образом, память о временах Ганнибала исчезла вместе с культурой и жизнью этого города. Современными археологами были обнаружены при раскопках лишь некрополь и фундаменты нескольких храмов с окружающими их захоронениями и молитвами, начертанными на надгробиях, в которых ничего не говорилось о Ганнибале.

Больше того, историки уверены, что записи двух секретарей, греков по происхождению, сопровождавших Ганнибала, были уничтожены или потеряны. Уцелели отдельные фрагменты, которые цитировались более поздними авторами. Поскольку все эти авторы были римлянами или находились на службе у римлян, история Карфагена времен великой войны за господство над Средиземным морем превратилась в историю врага. Когда Рим при Августе стал империей, талантливые римские историки, естественно, переписали многие страницы ее становления, чтобы прославить империю и восхвалить божественного Августа. В их записях Ганнибал представлен самым ярким противником сената и римского народа. Его человеческие качества и подлинная сущность исчезнувшего Карфагена начали стираться со страниц истории.

Осталось нечто похожее на палимпсест, на котором был счищен ранее написанный текст и на его месте сделана совершенно другая надпись. Но на палимпсесте можно слабо различить раннюю запись и кое-что из написанного древней рукой восстановить.

Цель этой книги – попытаться сделать видимыми следы жизни Ганнибала, сына Гамилькара, прежде чем она оборвалась в 183 году до н. э. Мы будем исследовать только то, что относится к его личности, касается ли это формы кельтского клинка, камня ли, который он взял в руку, париков, которые он носил с собой, или вида, открывающегося со стороны ворот Рима, с высоты Квиринальского холма. Историки четко описали события того времени. Мы попробуем вернуться к образу человека, ставшего причиной этих событий.

Начнем с горы на берегу острова Сицилия, с 241 года до Рождества Христова, мирного года, который не был мирным.

Глава 1

Отступление от моря

«Гребцы твои завели тебя в великие воды»

Подобно многим людям, Ганнибал провел свое детство у моря. До пятилетнего возраста он не покидал гору. Гора эта, Эрик, возвышается как гигантская сторожевая башня из глубин рядом с мелководным заливом, имеющим форму полумесяца. С нее открывается вид на небольшой, обнесенный стеной город у залива. Ганнибал не мог бывать в этом городе, поскольку город этот находился в состоянии войны с теми, кто жил на горе.

Поэтому самым ранним его воспоминанием, чем он отличался от старших сыновей во многих других семьях, был вооруженный лагерь. Это не значило, что мужчины вокруг него постоянно носили оружие. Они чинили крытые соломой крыши, когда шел дождь, или наблюдали за тем, как их жены делают ожерелья из серебряных монет про черный день. Их пленники возделывали ячмень на плоских выступах горы, в то время как старшие сыновья пасли стада овец и коз, чтобы было чем наполнить котелки. Не совсем обычно, что Ганнибалу пришлось познакомиться прежде всего с таким способом ведения натурального хозяйства на этом пятачке на вражеской территории. Крутые бастионы горы Эрик защищали поселение, во главе которого находился Гамилькар Барка.

Когда запасы продовольствия начали подходить к концу, Ганнибал стал все чаще слышать тяжелую поступь людей в шлемах и со щитами, отряды которых спускались вниз по тропам. Они шли в сторону заката солнца, спускались по охраняемым тропам, чтобы вернуться под покровом темноты, ведя ослов и пленников с грузом вина и кувшинов с зерном, а то и крупный рогатый скот, угнанный с просторов долины, простирающейся внизу. Поскольку пятилетний мальчик постоянно наблюдал их уходы и приходы, ему не казалось странным, что все эти энергичные мужчины говорили на разных языках – они были наемниками из разных краев и с разных островов. Вслед за мужчинами лагеря они осваивали грубый местный африканский диалект или язык греческих торговцев. И мальчик с готовностью подхватывал этот язык, когда хотел что-нибудь выяснить. Наемники оставляли свою работу, чтобы сесть и объяснить старшему сыну господина Гамилькара, который был способен и шумно негодовать, и проявлять заботу о них. Возможно, самое неизгладимое впечатление на Ганнибала производил гигантский ливиец с звенящими серьгами в ушах, который мог нести на своих могучих плечах связанного жеребенка. Как бы там ни было, детским садом для этого ребенка стал лагерь, в котором его отцу прислуживали наемники, либо за серебряные монеты, либо из преданности, либо надеясь на трофеи. Гамилькар Барка ловко умел расположить к себе самых разных людей, включая римских перебежчиков. Он предоставлял поработенным пленникам право жениться и выплачивал им скудное жалованье, чтобы задобрить их. А женщины его дома на горе Эрик были молодыми и опытными проститутками.

Сама гора производила на Ганнибала большое впечатление. Ее вершина, исхлестанная ветрами, иногда закрытая движущимися массами облаков, стояла особняком от темных вершин островных гор. Черные тучи собирались в глубине острова, где их пронзали вспышки молний. Наблюдавшие с Эрика люди становились объектами гнева или благосклонности небес. В последующие годы жизни Ганнибал сохранил чувствительность к этим небесным явлениям, которые могли предвещать волю земных богов. Провидцы, окружавшие его, были не прорицателями, а скорее толкователями небесного гороскопа. Возможно, в этом сыграло роль то обстоятельство, что фамильное прозвание Барка означало «Удар молнии».

К тому же на рассвете с высоты Эрика можно было бросить взгляд за темный берег и увидеть, как над морем, с восточной стороны, восходит солнце. Священнослужители стояли лицом к солнцу, когда выливали жертвенное вино из чаш перед шатром прорицателя-авгура. Гамилькар, постоянно менявший свое жилище, держал личное имущество в этом маленьком шатре. Все карфагеняне обращали свои взоры на восток, испытывая в этом необходимость, которую скорее чувствовали, чем понимали. Там, на востоке, лежала земля их предков, финикийских семитов, древнейшая Красная Земля – возможно, это было побережье Персидского залива, – откуда их предки переселились в Ханаан и на плодородные земли Средиземного моря. За счет этого моря люди Красной Земли и жили, но не только благодаря рыбной ловле – Сидон был их первым рыбным портом – или пурпурному красителю, который они по крупницам добывали из брюхоногого моллюска, а занимаясь торговлей, для чего они отважно пересекали море на судах, сделанных собственными руками. «Торгующие с народами на многих островах», как называл их пророк Иезекииль. Прекрасные мореплаватели, они построили крепкие города на прибрежных скалистых островах и приняли меры, чтобы защитить их от нападений многочисленных воинств. Могуущественнейший из финикийских городов Тир, что значит Скала, был воздвигнут на одном из таких островов. Из глубин континента, караванами из Дамаска, Иудеи, Савы и Эдома, тирские торговцы вывозили сырье, которое в руках ремесленников превращалось в египетские холсты и библосские стеклянные изделия.

Скалистый шельф Тира, конечно, не обеспечивал людей запасами, и они добывали их, обрабатывая земли близлежащего материка. Население высоких многоквартирных домов Тира насчитывало, вероятно, не более 25 000 человек. «Богатые люди Тира, – как рассказывал Страбон, – появились благодаря мастерству его обитателей». Это особое мастерство семитских финикийцев проявлялось в торговле, обмене сырья на готовые товары и наоборот. Во времена царя Хирама они построили на Красном море для Соломона, царя Израиля, флот из древесины стройных ливанских кедров, используя железные гвозди и паруса из египетского полотна. В обмен на это они вывезли золото из рудников Офира, а также драгоценную мирру и благовония из Савы. Хирам также поставлял древесину для храма, возводимого Соломоном.

Финикийцы были первыми и, возможно, последними людьми, культура которых возникла на базе коммерции. Поэтому они неизменно процветали в мирные времена, в периоды между внутренними конфликтами и вторжениями извне. Войско Сеннахериба было только одним из многих, осаждавших морскую крепость Тир. Когда этот важнейший город подпал в 538 году до н. э. под персидское владычество (почти за три столетия до того, как Гамилькар оборонял свою горную цитадель от римлян), финикийцы поддерживали себя тем, что поставляли морской транспорт персидским царям. Тир с его искусственными гаванями остался нетронутым, его богатство даже умножилось при персидском владычестве, но его жители уже больше не могли связывать свою судьбу с морем.

«Гребцы твои завели тебя в великие воды», – говорил о Тире Иезекииль. Этими великими водами был сам океан, и финикийцы подчинили его себе, построив суда, и не только весельные, но и парусные, чтобы отважно бороздить глубокие воды, направляясь в дальние земли вместо того, чтобы держаться у берегов или плавать от острова к острову. На своих черных судах финикийские капитаны прокладывали курс по звездам, руководствуясь знаниями халдейской астрономии. («Свои знатоки были у тебя, о Тир, они были у тебя кормчими».) Они отправлялись туда, где не могли выдержать легкие гребные галеры, используя попутные ветры Средиземного моря, остерегаясь невидимых течений, помня о безымянных мысах, расположенных вдоль западных берегов, и нанося входы в безопасные бухты и устья рек на карты, которые они ревниво оберегали от взоров других мореплавателей. Они научились тому, как преодолевать штормы или укрываться от них. Им грозила куда большая опасность от встречи с судами критских морских владык, которых сопровождали в те времена весельные суда варварских греческих городов-государств. На открытое море не распространялись никакие правила

империи. Никакого кодекса законов не было написано для него, и судьба всякого грузового судна зависела от милосердия оказавшегося на его пути хорошо вооруженного корабля. Финикийские сторожевые корабли, с их бронзовыми носовыми выступами, отводили более слабые суда в отдаленные торговые порты. Такие порты, как и сам Тир, имели зажатые между скалами островки в стороне от побережья или в конце полуострова, куда можно было приблизиться по воде, но трудно было подойти с суши, как было с Карфагеном.

У предков Ганнибала море было в крови.

Те, кто выходит в море на кораблях, привыкают к опасностям, и осторожность становится частью их натуры. Парадоксально, но жажда свободы никогда не оставляет тех, кто водит суда за горизонт. «Дети моря», финикийцы искали любой повод, чтобы избежать разорения войной. Они сделали величайшее открытие: пути, проложенные через глубинные воды моря, – самые безопасные для находящихся в состоянии конфликта людей, населяющих его берега. Средиземное море стало их главной магистралью, и они пытались обмануть соперников рассказами о несуществующих ужасах на этом пути – об острове, на котором Эол держит в повиновении ветры, и о далеком побережье, на котором день всегда равен ночи, а великаны лестригоны пожирают экипажи потерпевших крушение судов. Эти рассказы нашли свое отражение в легендах Гомера. Такие обманчивые на вид, миролюбивые тирцы отчаянно, до последнего вздоха боролись за свободу своего города. Когда она была утеряна, Тир «был ввергнут в молчание посреди моря».

А до той поры Карфаген, Новый Город, посылал ежегодно в Тир деньги в качестве дара храмам древних божеств. Карфагеняне делали это, хотя храмы тех же божеств, Танит, Эшмуна Целителя и Мелькарта, возвышались над самим Карфагеном. Тысячелетняя традиция заставляла священнослужителей Гамилькара возносить молитвы, обратившись на восток, с дурным предчувствием. Имя Тамил ькар означало «сын Мелькарта», древнего божества этого города.

Теперь и сам Гамилькар обладал бесстрашием льва. Поэтому наемники шли издалека служить ему, и он никогда не отказывался вознаграждать их. Более того, он устремил свой взор в новом направлении. Магнаты Карфагена, старейшие семьи, которые вели свое происхождение от финикийцев (Баркиды, выходцы из Кирены, не принадлежали к ним), всю свою жизнь испытывали противоречивые чувства. Традиционно обязанные поклоняться древним богам земли обетованной Ханаан, смиренно готовые к жертвам, обособленные от других людей, убежденные в надвигающейся гибели, которая потребует жертв даже от них самих, они возносили молитвы на восток, к своим праотцам. В то же время они стремились использовать различные изобретения, чтобы извлечь из них пользу, собирались даже поменять вековые письменные символы, перейдя на алфавит, подобно сирийцам и грекам. Это стремление к усовершенствованию жизни побудило их удобрять обычные почвы, применять новые методы труда, искать залежи металлов и заодно исследовать неизвестный запад с его дикими обитателями. Туда же устремил взор и Гамилькар Барка. Прежде всего, после того как остров Сицилия был занят победоносными римскими армиями, он нашел способ вести войну, не опустошая оскудевшую казну Карфагена и держа на горе Эрик несколько тысяч человек за собственный счет. Его неприступную гору было невозможно взять штурмом. Даже когда перестало хватать продовольствия, Гамилькар не сдал своих позиций.

Рыбаки доставляли уловы крупного тунца к подножию горы; иногда в охраняемую бухту проскальзывала какая-нибудь быстрая трирема, которую вытаскивали на берег вместе с запасами, доставленными из Карфагена, чтобы выгрузить их до рассвета. Все это было необходимо, чтобы преодолевать блокаду римских военных кораблей и весельного флота могущественных Сиракуз, которые патрулировали открытое море и соседнюю гавань порта Панорм. В этом была причина безысходности Карфагена. В течение двадцатитрехлетней периодической борьбы эти северные флоты одерживали победу над Африканским побережьем, и господство Карфагена на море пришло к концу. Карфагенские традиционалисты воспринимали это как волю богов,

которую люди были не в силах изменить. Усилия Гамилькара на горе Эрик были временным вызовом судьбе, который не мог принести победу.

Со стороны карфагенского совета старейшин было мудрым шагом назначить человека, который и слышать не хотел о том, чтобы сдаваться, своим представителем на мирных переговорах с таким же измотанным врагом. В совете, в который входили старейшины самых богатых семей, имелось много сторонников традиционалистов, а также недругов семьи Баркидов, и большинство высказалось за мир. Если Гамилькару Барке удастся договориться на приемлемых условиях с далекой силой, именующей себя Римской республикой, тогда будет хорошо. Если не удастся – тогда пострадает престиж семьи Баркидов. Обыкновенно старейшины совета не доверяли удачливым полководцам, но изобретательный Гамилькар был во многом исключением.

Мальчик Ганнибал понял, что блокада закончилась, только тогда, когда мириады парусников показались из-за западной части горизонта, а сторожевые корабли римлян пропустили их. Флотилия транспортных судов пришла из Карфагена, чтобы снять гарнизон с горы Эрик, и бросила якоря в заливе, формой напоминавшем полумесяц. Появился сам Гамилькар. Он шел во главе обоза с зерном, и его сопровождали люди, машущие ветками, несущие кувшины со старым вином и оливковым маслом. Таким путем Гамилькар подчеркнул, что с окончанием войны пришел и конец голоду.

Тут произошел инцидент, незначительный сам по себе, но оставивший след в памяти Ганнибала. По обе стороны входа в его дом, у колонн, собрались толпы людей. Часть из них составляли наемники с тщательно начищенным оружием. Это были итальянцы, дезертировавшие из римской армии. Напротив них стояли в ожидании беглые рабы, все еще с железными обручами на шеях, а за их спинами – оборванные женщины.

Один из наемников выступил вперед, и Гамилькар дал ему разрешение говорить. Человек объяснил на отрывистой латыни, что он и его спутники теперь, после того как долгое время служили Гамилькару, должны быть выданы римлянам. Тогда они будут убиты – их распнут на крестах. Рабы, которые не имели права говорить, просто пали ниц. Над их головами разнесся трубный голос великана-ливийца, с такой силой откинувшего голову назад, что зазвенели его серьги. Признанный лидер африканцев, он был всеобщим любимцем и часто пользовался этим.

Гамилькар кивнул и простер к ливийцу руку. В диадеме, которая венчала его головную повязку, сиял, сверкая на солнце во время его речи, редкий изумруд. Он выслушал их, сказал Гамилькар, и даст им всем ответ на третье утро.

Как и обещал, Гамилькар появился у ворот на третье утро, после жертвоприношения. Он свел свои сильные руки вместе, потом развел их в стороны и сказал слушателям следующее: был заключен справедливый и длительный мир. Никто из дезертиров и никто из беглых рабов не будет выдан. Всех их отвезут в Карфаген, который ими владеет. Поскольку его собственные командные функции закончились с наступлением мира, Гамилькар, не дожидаясь восторженных криков пораженных слушателей, вернулся в свой дом.

Итак, после трех лет блокады гарнизон горы Эрик спустился к стоявшим в ожидании судам. Люди не проявляли радости, покидая свои жилища. Они были истощены голодом и несли с собой мало трофеев. На кораблях они коротали время, подсчитывая, сколько им задолжали карфагенские магнаты. Недовольство наемников вылилось в бунт, который вызвал мятеж рабов и перерос в беспощадную гражданскую войну, изменившую планы их господина Гамилькара и хозяев Карфагена.

Все это могло оставить лишь легкий след в памяти юного Ганнибала, который едва ли понимал, что происходит. К тому же он попал с корабля в свой роскошный дом. Это был дворец в большом городе, где он стал жить со своими сестрами и младшими братьями, где его ждали

домашние учителя и слуги готовы были откликнуться на его зов. Но он не забывал тот лагерь, в котором умудрялись существовать вооруженные люди.

Владыка морей

Возраст Нового Города насчитывал к тому времени пять веков. Изначально бывший промежуточным портом финикийцев на пути в Испанию, он продолжал хранить следы своего происхождения. В конце узкого полуострова, вдававшегося в залив Тунис напротив острых вершин Священной горы, за четырехсотфутовым каменным молом образовалась гавань. Здесь, у широких причалов, укрывались от опасных северо-западных ветров суда. Холмы на перешейке полуострова защищали гавань Карфагена от подхода к ней со стороны материка.

Вторая, внутренняя, гавань была сооружена для военных кораблей. Круглая, как колодец, она была окружена высоким портиком, за которым могли укрыться около 200 галер. Каждый причал был оборудован мраморными стойками для швартовки судов. На острове, имеющем форму ступицы колеса, размещалось административное здание адмиралтейства. Отсюда, с высокой башни, напоминающей маяк Фарос в миниатюре, открывалась панорама моря. Башня выполняла также роль сигнальной. За круглым портиком в запертых складских помещениях хранились лес, снасти, оружие и военное снаряжение. Хотя Карфаген не обладал больше таким военно-морским флотом, как в то столетие, когда он был владыкой западного моря, все необходимое для такого флота хранилось на складах. Защитная стена препятствовала тому, чтобы посторонние люди могли выведать секреты внутренней запасной гавани.

Широкий путь вел к древней цитадели – холму Бирса. Этот холм, высотой около 200 футов, площадью чуть ли не равной половине площади афинского Акрополя, был теперь почти целиком отдан великим храмам Танит, матери Земли, Эшмуна Целителя – Эскулапа у греков – и Мелькарта. Поскольку пространство в центре Карфагена было ограниченным, мастерские поднимались на семь этажей над Бирсой, размещались семью ярусами на уступах так, чтобы был открыт доступ солнцу. Здесь же находились емкости для сбора дождевой воды. Ремесленники и торговцы снабжали рынки Средиземноморья. У них были свои торговые объединения, которые встречались за общим столом и заботились о том, чтобы принимать участие в городских делах.

Огромный бульвар, извиваясь, тянулся почти на семь миль мимо Бирсы, вдоль полуострова, пересекая превращенные в сады кладбища с надгробными памятниками, представляющими собой уникальные творения рук финикийских мастеров. Ближе к морю другие окруженные стенами сады дали приют знатным семьям, которые нажили свои богатства благодаря торговле. Некоторые из них, как, например, аристократические семьи Магонов и ловких Ганнонов, господствовали в городе в течение нескольких поколений. Клан Ганнонов открыто враждовал с неожиданно выдвинувшимся удачливым Гамилькаром.

На своем пути бульвар проходил мимо множества тех, кто не принадлежал к горожанам Нового Города. Нумидийцы в накидках восседали на быстрых лошадях, внимая свистящим звукам своих дудок; суданцы шли по пыльным дорогам, неся поклажу на расправленных плечах; массилийские воины широко шагали впереди своих семейств, направляясь к невообразимо богатому городу; повозки ливийских крестьян, коренных жителей плодородного побережья, вливались в поток движения. Смуглые греческие надсмотрщики щелкали бичами, прокладывая путь своим старомодным, но импозантным колесницам. Заморские конные упряжки останавливались перед слонами, невозмутимо шагающими с грузами тяжелой древесины. Караваны шли с юга, с невольничьих земель, из глубин Африканского континента.

Фактически магистрали карфагенян превратились в артерии всего континента. По ним продукция Африки поступала в город, чтобы превратиться в грузы кораблей, отправляющихся в другие порты Средиземноморья.

Карфаген стал нервным центром, огромным городом на краю моря. В его лавках финикийская речь смешивалась с местными диалектами, а язык греческих торговцев – с восточно-

арамейским языком. На самом деле Карфаген был восточным городом. Красные холмы Африканского побережья напоминали Красные Земли за Ханааном.

Карфаген обладал еще одной отличительной особенностью. Этот город всегда был свободным. Тир, покорившийся халдейскому, а позднее персидскому владычеству, был разрушен Александром и его македонским войском. Жертвы этого разрушения 332 года до н. э. – старики и женщины с младенцами – нашли убежище в Новом Городе. Самые надменные из северных городов, Афины и Капуя, увидели врагов, осаждающих их стены.

Удивительно, но Карфаген не имел защитной стены – его защищало море.

В отличие от Тира Новый Город добывал средства к существованию из глубинных районов материка. С горного кряжа полуострова открывался вид вниз на зеленую долину с орошаемыми плантациями. Они простирались до плодородной долины реки Баграда, за которой виднелась темная линия реликтовых лесов, где взамен вырубленных дубов и сосен искусные руки немедленно высаживали новые деревья.

Сначала Ганнибал, видимо, сопровождал своего неугомонного отца за пределы цивилизации, туда, где ливийцы разводили скот, выполняя волю своего вождя, живущего в глиняной хижине. Возможно, они посещали Кирту (Константину), город народа пустыни, стоящий на берегу западной реки. Но великое восстание 241–238 годов до н. э., которое, как большой пожар, распространилось по внутренним районам, должно было заточить мальчика в особняке в Карфагене, в той комнате, которую он делил с греком, математиком и чтецом, читавшим героические поэмы его малолетним братьям.

Восстание скоро превратилось в гражданскую борьбу, в которой подчиненные внутренние районы пытались избавиться от контроля города, расположенного на полуострове. Однако эта междоусобная борьба приобрела более сложную форму. Хищнические племена объединились с деревнями, страдающими от непомерных налогов военного времени, которые с них взымали их господа; другие оставались лояльными Карфагену. Ветераны гарнизона горы Эрик, которым задолжали жалованье, возглавили восстание. Город не располагал опытной армией, которая могла бы противостоять им. С другой стороны у восставших не было способных лидеров.

Они прибегли к терроризму. Чувствуя грозящую опасность, Карфаген отобрал полномочия у семьи Ганнонов и призвал Гамилькара Барку взять на себя единоличное командование.

Гамилькар мобилизовал новые войска. Множество нумидийских всадников встали под его знамена. Караван слонов в кожаной броне потянулся из ворот города к дымам горящих деревень. Гамилькар, имея такое разношерстное войско, перехитрил полчища восставших и загнал их остатки в слепое узкое ущелье, из которого выбраться не удалось никому.

Когда снова были открыты дороги к Африканскому побережью, залечивающему свои раны, они были уставлены крестами, на которых умирали распятые лидеры восставших. Среди распятых тел, вокруг которых кружились тучи воронья, было и тело великана-ливийца с серьгами. Восьмилетний Ганнибал должен был видеть какие-то последствия этой «непримиримой войны», как называли ее римские историографы.

Возможно, уже в этом раннем возрасте он почувствовал отвращение к войне и нежелание посылать людей на битву, что проявилось в последние годы его жизни.

«Гамилькар приказал всем другим отступить...»

На обессиленный Карфаген обрушилась новая угроза. Это привело к тому, что в 238–237 годах до н. э. городу пришлось принимать срочное решение.

Новое требование пришло из Рима, который еще недавно заверял в своей приверженности миру. Требование заключалось в том, чтобы карфагеняне ушли с островов Сардиния и Корсика и снова заплатили контрибуцию в 1200 талантов серебром, в соответствии с условиями, принятыми в 241 году до н. э.

Эти условия, принятые Гамилькаром как представителем Карфагена, были посильными. Карфаген отдавал всю Сицилию, оплачивая ущерб, нанесенный во время конфликта с Римом. Оба государства разграничивали сферы торговли на море и давали торжественное обещание не нападать на союзников друг друга. Тогда Гамилькар тоже отказывался выполнить приказ Рима выдать всех дезертиров и беглых рабов. Теперь, когда едва закончилось восстание в Африке, возник конфликт между карфагенскими гарнизонами в портах островов Тирренского моря (Сардинии и Корсики), которые на самом деле находились ближе к Итальянскому побережью. Неожиданно вмешался римский сенат, чтобы, воспользовавшись усталостью Карфагена, потребовать вывода этих гарнизонов, что означало сдачу портов, под угрозой начала новой войны.

По мнению совета Бирсы, уступка Сардинии и Корсики означала больше, чем потерю некоторой части импорта древесины или руды; это означало потерю портов, которые давали выход в Западное Средиземноморье. Сдача позиций на сицилийском пути от нижней оконечности Италии до полуострова, на котором располагался Карфаген, лишала его Восточного Средиземноморья. После почти трехвекового господства торговцы африканского города могли потерять все сферы влияния – если не произойдет чего-то непредвиденного. Проблема выплаты двойной контрибуции была просто ничтожной в сравнении со сдачей стратегически важных островов.

Та часть карфагенского совета, которая тяготела к религиозному фатализму, усмотрела в этом зловещее предзнаменование, как в случае с Вавилоном. Самые непримиримые заявили, что Гамилькару не следовало уходить с горы Эрик. Большинство понимало невозможность нового сражения с римскими войсками, восстановившими свои силы за время трехлетнего перемирия.

Исторические записи свидетельствуют о том, что Карфаген отвел свои гарнизоны, оставил острова и собрал серебро для уплаты новой контрибуции. Но гнев лидеров, которые подчинились ультиматуму, и их постоянный поиск новых путей овладения Средиземноморьем, нашел отражение в действиях, которые были предприняты в этот год.

Таким образом, в это время был сделан первый шаг к еще большему конфликту в борьбе за господство над Средиземноморьем, конфликту, известному потомкам как «война Ганнибала».

Ганнибал в девятилетнем возрасте стал свидетелем первых приготовлений. В сухопутную часть города привезли столбы для возведения тройных стен. Самая внутренняя стена должна была быть гигантской по размерам: шириной в двадцать шагов и высотой в семикратный человеческий рост. На этом несокрушимом бастионе планировалось воздвигнуть башни, расстояние между которыми равнялось бы дальности полета стрелы. С внутренней стороны предполагалось соорудить загоны для стада слонов, стойла для тысяч лошадей и амбары для хранения корма для животных. Наверху широкой стены, на всем ее протяжении, должны размещаться новейшие метательные машины. По окончании строительства город станет неприступным для атаки с суши. Во всяком случае, карфагеняне на это надеялись.

До окончания работ Гамилькар приготовился перебраться на новые земли на западе, недоступные для римлян. Вместе с Гамилькаром туда должны были последовать муж его старшей дочери, несколько военачальников и африканские тяжеловооруженные всадники-ветераны. Ганнибал узнал, что больше не существует армии наемников, которую он помнил по горе Эрик. Их путь лежал в сторону заходящего солнца, мимо геркулесовых столбов, к океанскому побережью. Путешествие должно было пройти незаметно, на отдельных судах, уходящих в неизвестном направлении.

Много времени спустя, далеко на востоке, при дворе Антиоха, великий Ганнибал узнает, что его отец счел необходимым, чтобы все аристократы и военачальники, решившие сопровождать его, принесли присягу. Для этого все они поднялись в храм Мелькарта на Бирсе, где вокруг них кружились голуби, и вошли из залитого светом внутреннего двора, заполненного толпой, в темноту святилища. У алтаря Гамилькар вознес молитву богу и принес в жертву ягненка, держа в руке кубок.

«Мой отец совершил воздаяние богу, – вспоминал Ганнибал. – Я стоял возле алтаря. Закончив обряд, он попросил всех остальных, приносящих жертвы, немного отойти. Потом подозвал меня к себе и очень ласково спросил, хочу ли я сопровождать его в этом путешествии. Как всякий мальчишка, я согласился и стал даже упрашивать его сделать это. Тогда он взял меня за руку, подвел к алтарю и попросил положить свободную руку на жертвенного ягненка. Он велел мне поклясться, что я никогда не стану другом римлян, и я исполнил это».

Об этой клятве Баркидов, отца и сына, перед их отплытием в Испанию, стало известно всем. Постоянно упоминаемая летописцами, она приобрела такое значение, какого не имела в свое время. Мы часто читаем о том, что Гамилькар заставил всех своих сыновей поклясться, что их вражда к Риму никогда не угаснет. И что жизнь его сыновей, особенно Ганнибала, впредь будет посвящена выполнению этой мальчишеской клятвы. Другие карфагенские военачальники дали такой же обет.

Сам Ганнибал вспоминает это как один из эпизодов во время их путешествия на новое выбранное место. Более того, его толкование клятвы имеет конкретное и в какой-то степени другое значение. Слова «никогда не становиться другом римлян» не означали, что антагонизм должен был продолжаться всю жизнь, но и не являлись пустой фразой. Выражение «друг римского сената и народа» имело в то время отчетливое политическое значение, так же как понятие «союзник». Если вы становились другом Рима, вы подчинялись римским нормам поведения; как «союзник», вы это тоже делали, но вам оставались некоторые привилегии. Полибий изложил это так: «Когда люди идут на уступки после того, как сломлен их дух... им можно доверять как друзьям и подданным». То, чего требовал Гамилькар и в чем поклялся Ганнибал, означало никогда не подчиняться римским нормам поведения. Гнев этих людей был причиной, а не следствием их клятвы.

Полибий это тоже изложил по-своему: «Нам следует видеть первопричину войны между Римом и Карфагеном (войну Ганнибала) в негодовании Гамилькара по прозвищу Барка, отца Ганнибала... Когда римляне объявили, что хотят начать новую войну против Карфагена, этот город был готов уладить все разногласия. Но когда римляне отказались договариваться, карфагенянам пришлось подчиниться обстоятельствам. Хотя они были глубоко оскорблены этим, они были бессильны и освободили Сардинию, кроме того, они согласились выплатить двенадцать сотен талантов дополнительно к сумме, которую с них взыскали до этого... Это мы должны расценивать как вторую и главную причину конфликта. Потому что Гамилькар почувствовал, что его гнев разделяют все его соотечественники».

И греческий историограф добавляет: «Третьей причиной можно считать успех задуманного карфагенянами в Испании проекта».

С наступлением весенней погоды, благоприятной для судоходства, лоцманы отдали приказ. Огромный корабль Гамилькара был выведен из морского бассейна через канал в торговую гавань. Ритуальные светильники были зажжены перед божеством в каюте, и матросы вскарабкались на реи, чтобы поднять паруса. Столпившиеся на краю мола члены совета и судьи, облаченные в мантии, воздели к небу руки, моля о безопасном плавании.

Потом пентеконтор – галера, за длинными веслами которой сидели по пять гребцов, – повернул в сторону от Священной Горы. Сверкание мрамора на вершине Бирсы исчезало в синеве неба над красной линией берега. Маленький Ганнибал, который наблюдал за всем, стоя под навесом на корме, не мог предположить, что тридцать шесть лет пройдет, прежде чем ему доведется снова увидеть Карфаген.

Шесть дней и шесть ночей пентеконтор плыл на запад против господствующего ветра. Корабль держался вне зоны видимости со стоянок карфагенских судов на Африканском побережье и с Питиузских и Балеарских островов с европейской стороны. Войдя в океанские воды, он миновал Геркулесовы столбы (нынешний Гибралтарский пролив). Потом, когда дельфины начали резвиться вокруг длинных весел, корабль повернул к северу, к островку у Европейского побережья.

Город на скалистом острове назывался Гадес (или крепость Гадир, ныне Кадис). Он был еще более древним, чем Карфаген, и вместе с тем во многом на него похожим. Узкий извилистый полуостров простирался к храмам и торговым лавкам Гадеса, как естественный мол защищая прекрасный глубоководный залив. Суда, которые стояли здесь на якоре, были тяжелыми парусниками. Облаченные в мантии судьи, встретив Гамилькара при высадке, по всей форме приветствовали его, ожидая узнать причину его прибытия. Здешные женщины не наблюдали за происходящим, стоя на ступенях храмов, как это было в Карфагене. Прибой, обрушивающийся внизу на скалы, ревел, как шторм, хотя небо оставалось безоблачным. Гамилькар со своей стороны поздоровался с жителями Гадеса с политической любезностью. Хотя он имел скрепленную печатью дощечку с надписью, удостоверяющей его положение протектора Карфагена, он предъявил еще и ценную бумагу, которая убедила жителей Гадеса, что он берет на себя стоимость выполнения своей миссии.

Его задачей было освоить испанскую землю. В кратчайшее время эта западная оконечность Европы станет новой карфагенской базой, которая будет служить расширению торговли на западном побережье океана.

В таком объяснении Гамилькара заключалось много правдивого, но это была не вся правда. Огромный полуостров Испании был недостижим для влияния Рима. Вход на полуостров со стороны материка преграждала стена Пиренейских гор. Новые богатства можно было добыть из недр полуострова, свежие армии набрать из его варварских племен. Земля Испании могла стать опорой для изнуренного Карфагена – своего рода горой Эрик огромного масштаба. Титул Гамилькара – протектор – можно было истолковывать двояко.

У него оставалось, однако, мало времени на то, чтобы выполнить эту задачу.

Сокровища Испании

Атлантический океан не был загадкой для карфагенских мореплавателей, хотя они всячески старались скрыть этот факт. В почти давно забытые времена финикийские путешественники под командованием египетского фараона огибали Африканский континент. Половину тысячелетия Гадес (или Гадир) служил опорой атлантической торговли, которая приносила сушеную рыбу, амбру и олово, необходимое для производства бронзы. Соперники финикийцев так никогда и не узнали, откуда бралось это ценное олово. Когда Карфаген обрел могущество в VI веке до н. э., секреты атлантической торговли стали охранять с помощью силы. Гадес превратился в сторожевой пост на проливе, ведущем в открытый океан. Очевидно, такая блокада западного выхода в океан была очень надежной, потому что, когда один морской капитан соперников, Пифий Марсельский (Массилийский), прорвал блокаду, а возвратившись домой, попытался рассказать правду о том, что он видел, греческие ученые посчитали его рассказ вымыслом. И эта окончательность Европы получила название Испания – «Скрытая земля».

Под завесой тайны карфагеняне тем не менее исследовали Атлантику, добравшись до Канарских островов, а возможно, даже и до далеких Азорских. Один из карфагенян, Гимилькон, проложил путь на север, следуя вдоль берегов, на которых шла торговля оловом, мимо Корнуолла и Британии, вдоль «белых скал» огромного острова, называемого Альбионом, и более маленького «Священного острова» (Ирландия). В своем разведывательном путешествии корабли Гимилькона неожиданно наткнулись на безветренный участок моря, служивший ловушкой как для рыбы, так и для кораблей. Хотя он напоминал Саргассово море вблизи Американского континента, это была скорее часть Бискайского залива, где в плавающих водорослях запутывались косяки тунца – рыбы, к которой карфагеняне всегда проявляли интерес. Сообщение Гимилькона о неподвижном море было добавлено к тем страшным рассказам, с помощью которых карфагеняне охраняли свои секреты.

Примерно в то же самое время, в 500 году до н. э., еще один карфагенянин, Ганнон, руководил флотом, который обогнул Африку. Это была не просто разведка. Флот, состоящий из 50 пентеконторов, перевозил 30 000 человек, включая членов команды судов и поселенцев. Ганнон выполнял определенный план, поскольку, двигаясь на юг, он высаживал поселенцев у плодородных устьев рек и обзаводился переводчиками, готовясь к встрече с коренными жителями на следующем этапе пути. Его карфагеняне слышали вдалеке удары местных тамтамов и узнали, как называется человекоподобное существо – горилла. Прежде чем повернуть назад, Ганнон, который, как и Гамилькар, был суфетом Карфагена, возвел город на острове вблизи устья реки. Он дал ему имя Керне, но где был этот город, никто сегодня сказать не может. Если Керне находился, как многие думают, к югу от Карфагена, суда Ганнона могли попасть на реку Нигер. Существует вероятность, что прибрежные поселения, основанные Ганноном, были связаны с караванными путями в глубине континента, по которым в его родной город доставляли слонов, золото, одежду и рабов.

Если это было так, то во времена Гамилькара Карфаген имел свои торговые порты на западном побережье Африки, где европейские мореплаватели больше не появлялись в течение девятнадцати столетий.

Более того, финикийцы-карфагеняне были первыми в истории людьми, которые основали колонии за морями. Тем самым они сделали первый шаг к новой эре, положив *modus vivendi*, то есть принципу сосуществования между культурным городом и далекими дикими народами. До этого времени империя действовала методом завоеваний, касалось ли это безжалостного подчинения ассирийцев или более мягкого господства над египтянами. Власть самого Карфагена распространялась только на часть побережья между Киртой кочевников и пустынными заливами Сирта. Карфагеняне владели не более чем центрами на суше с широко

раскинувшимися вокруг них поселениями. Эти центры не пытались управлять глубинными районами. Они помогали добывать ископаемые и вести сельскохозяйственные работы на окружающих землях. Иезекииль описывает один из таких древних торговых портов такими словами: «Фарсис, торговец твой, по множеству всякого богатства, платил за товары твои серебром, железом, свинцом и оловом». Эти торговцы держались в стороне, жили своей собственной жизнью возле Гадеса, на Атлантическом побережье.

Таким образом, Гамилькар был призван впервые изменить древнюю систему экстерриториальных отношений и подчинить весь полуостров Испании вместе с его многочисленными обитателями правительству Карфагена.

Почти девять лет Гамилькар Барка безжалостно относился к самому себе и тем, кто последовал за ним. Он не мог позволить себе роскошь терять время, считаясь с интересами отдельных людей. Капель водяных часов в шатре суффета была подобна сигналу набатного колокола, извещавшего, что время истекло. Благодаря своей энергии он многого добился, но не меньше и потерял из-за своего нетерпения.

Хитроумный Гасдрубал, муж его старшей дочери, понимал и достоинства, и недостатки Барки, который всегда был лидером вооруженных людей. Гасдрубал Великолепный, как его называли, владел горными предприятиями и обогатился. Юный Ганнибал, который был на стороне Барки, понимал разницу между ними двумя. В этом возрасте он был безгранично верен своему отцу.

Широкое поле деятельности ждало их в Испании. Плывя от Гадеса вверх по течению Бетиса (Гвадалквивира), они попали в прекрасную южную землю богатых и мирных городов. Жители встретили их кувшинами с вином и серебряными чашами с фруктами, а танцовщики прыгали до тех пор, пока их черные головные уборы не слетели под звуки флейт и громкие песни.

Это были южные иберы, напоминающие карфагенян по своим обычаям. Их предки берберского происхождения переселились сюда из Африки, преодолев узкий пролив. Их порты Малака и Абдера находились в руках карфагенян. У городских ворот несли вахту каменные сфинксы и сильные бородатые мужчины – удивительного вида стражники, которые в незапамятные времена попали сюда с берегов Нила или Тигра.

Путешествуя по приветливой долине Бетис, маленький Ганнибал мог прочитать в поэмах Гомера о том, что здесь, на далеком западе, были Елисейские поля – пристанище героев в смерти. «Боги препроводят тебя на Елисейские поля, на край земли, туда, где обитает златовласый Радамант, где жизнь прекрасна. Там нет ни снега, ни бурь...»

Нечто подобное могло существовать и в реальности.

Тамилькару, хотя он предвидел это, предстояло сделать многое на Иберийской равнине. Надо было заложить рудники там, где были обнаружены залежи соли, прорыть каналы между истоками рек, заготовить древесину в дубовых лесах, разбить тренировочные военные лагеря для молодых людей.

Гамилькар привез с собой инженеров и военачальников, чтобы помочь иберийцам построить лучшее государство.

У истоков Бетиса возвышались Серебряные горы (Сьерра-Морена), заключавшие в себе сокровища Испании, такие несметные, что завистливые массивийские капитаны клялись, будто карфагенские суда отплывали от берега на веслах из чистого серебра. Специалисты Гасдрубала открыли месторождения природного золота с большим содержанием серебра. Под их руководством появились новые плавильные печи, и потоки с гор, направленные в каналы, потекли через сверкающую золотом землю, вымывая из золота осадочную породу.

Цитаделью в горах был Кастулон, венчающий хребет, сложенный массивными каменными блоками. Гамилькар вошел в эту цитадель как гость владык Кастуллона и остался там, чтобы ими править.

К северу от этого горного барьера простиралось более засушливое центральное плато, где обитали потомки кельтских завоевателей. Иберийская культура коснулась их в том отношении, что они обитали в круглых домах с тростниковыми крышами в окружении стад мелкого рогатого скота. Однако кельтская кровь побуждала их скорее к набегам, нежели к занятию торговлей. Гамилькар обрушился на них, как соответствующая его имени молния, увозя заложников от деревенских вождей, штурмуя древние каменные цитадели на одиноких высотах, занятых кельтиберскими царями. Его воинственность не знала предела. Эти варвары-испанцы при верховой езде пользовались поводьями. Им недоставало умения его нумидийцев, но они были способными кавалеристами. Высокую траву эспарцет в их долинах можно было собирать и плести из нее веревки. Их лошадей можно было использовать, поскольку они были если и не быстрыми, то, во всяком случае, выносливыми.

Чужеземный царь собрал грозную армию всадников, чтобы отбросить карфагенских владык назад к морю. Гамилькар выдвинулся им навстречу с развевающимися вымпелами и завывающими трубами своих нумидийцев. Он выслал вперед два десятка слонов в кожаных боевых доспехах. Эти животные всегда оказывали сильное психологическое действие на не знакомых с ними людей. И лошади тоже их пугались. Орда кельтиберов сразу растаяла. Их царя настигли, и он предстал перед Гамилькаром, который приказал ослепить его и распять на кресте. Но другие пленные были взяты на службу в растущую армию Испании.

Прошло девять лет. Покорено было не более трети страны. Потом Гамилькар Барка был убит.

Предание рассказывает, как он верхом на лошади, с Ганнибалом и другим своим сыном, попал в засаду, устроенную членами племени, которое вызвало его для заключения договора. Это произошло недалеко от Кастуллона – Белого Замка. Гамилькар ускакал с мальчиками, но за ним погнались, когда он спускался с холма. На одном из поворотов Барка велел Ганнибалу и младшему сыну свернуть в сторону. Испанцы преследовали Гамилькара, которому удалось добраться до реки, но там они настигли его и убили.

Ганнибал стремительно поскакал к побережью. Там, в армейском штабе, собралась семья Баркидов. После того как возле усыпальницы рассеялся черный дым траурных костров, карфагенские военачальники предложили Гасдрубалу Великолепному командовать ими, заменив Гамилькара. Испанская армия вместе со слонами двинулась маршем, чтобы отомстить за всеми любимого Гамилькара, стереть с лица земли деревни и поработить их обитателей, убивших его.

Новый Карфаген

Прошло еще восемь лет.

В Южной Испании, в условиях полной секретности, произошли перемены (в тех водах, в которые заход римских кораблей был запрещен по договору). Гасдрубал, прирожденный дипломат, сменил тактику Гамилькара, заключающуюся в агрессивном покорении, на моральное подавление. Он укрепил дружбу с иберийскими вождями, осыпал их великолепными подарками и взял себе невесту из иберийской семьи. Говоря современным языком, Гасдрубал постарался закрепить успехи, достигнутые Гамилькаром, и избежать ошибок, допущенных старым воином.

Легкие парусники исследовали реки; долины покрылись зелеными ростками пшеницы; в три раза возросло количество драгоценных металлов, которые везли с гор к пристани в корзинах на осликах и в телегах спряженными в них волами. Иберия посылала серебряные дары в казну Карфагена, и Гасдрубал приготовился чеканить собственные монеты.

Более того, этот основатель испанского государства покинул древний Гадес на западном побережье ради нового порта на восточном, средиземноморском берегу, на расстоянии не более четырех суток плавания от его родного города. В прекрасной естественной бухте, защищенной мысом, изыскатели Гасдрубала подготовили участок размером в окружности свыше двух миль. Иберы, у которых на этом месте стоял древний храм, называли его Массия. Карфагеняне в предельно короткие сроки расширили канал под храмовым холмом, превратив его в лагуну, и построили вдоль защищенной лагуны верфи. На высоте будущего города они возвели храм в честь финикийского божества Эшмуна, а над внутренней гаванью – небольшой дворец для Гасдрубала. Кроме того, они заложили фундамент защитной стены. Как только заработали причалы, монетный двор начал чеканить новые деньги.

Однако портовый город таких размеров не мог долго оставаться незамеченным с проплывающих мимо судов. Он имел поразительное сходство с Карфагеном в Африке, и наблюдательные торговцы из Массилии (нынешнего Марселя) доложили о нем Риму как о новом Карфагене – Nova Cartago (Картахена). Было очевидно, что здесь строят новый флот.

Эти самые массилийские торговцы (потомки фокейских греков, искусных гребцов) имели торговый порт далеко к северу, выше устья большой реки Эбро, на восточном побережье Скрытой Земли. Живое воображение подсказало им, что хитрые карфагеняне прибирают к рукам прибрежную торговлю. Поскольку город Марсель был союзником Римской республики, он обратился к своему покровителю. По прошествии некоторого времени (римляне никогда не предпринимали таких действий без предварительного обсуждения в сенате) посланники с Тибра предстали перед Гасдрубалом. Они потребовали от него заверений в том, что карфагеняне не станут пересекать линию реки Эбро с оружием в руках.

Благоразумный Гасдрубал дал такое обещание от имени Карфагена.

Тем самым Гасдрубал отрезал свой будущий город от Пиренеев, естественной защиты Испании. Он фактически признал власть Рима здесь, на берегах Эбро, на расстоянии 650 миль от Тибра. Он выиграл, разумеется, бесценное время для собственных приготовлений. «Он проявил блестящее искусство, – сообщали шпионы Марселю, а потом и Риму, – склонив местные племена присоединиться к его империи».

Однако время было на исходе. Через пять лет после договоренности о реке Эбро Гасдрубала убили.

Как свидетельствует традиция, кто-то из вечно недовольных сторонников кельтов ухитрился захватить власть в Южной Испании. Такой акт был бы типичным для какого-нибудь потомственного кельтского воителя. Существует вероятность, хоть и не доказанная, что убийство Гасдрубала было инспирировано могущественными врагами Карфагена.

Вслед за тем военачальники испанской армии собрались в Новом Карфагене и избрали своим главой Ганнибала. «В нем воплотился для них образ их горячо любимого Гамилькара».

Этот выбор вызвал споры в совете Карфагена. Испанский проект был успешным и уже пополнил казну родного города. Партия Ганнона, враждующая со сторонниками Барки, заявила, что Гасдрубал Великолепный, по сути дела, сделал себя царем по ту сторону моря. Он никогда не был суффетом Карфагена. Что касается юного Ганнибала, как считали старейшины совета, его никто не знал. Прежде чем вверить ему командование в другой стране, твердили приверженцы Ганнона, его следует отозвать в Карфаген, приглядеться к нему и по меньшей мере предостеречь. Старейшины совета терпеливо их выслушали (тройная защитная стена – неприступная защита самого города – была уже возведена) и присоединились к тому выбору, который сделала далекая армия. Они передали вопрос на рассмотрение собранию граждан, которые всегда благоволили Баркидам. Собрание единодушно проголосовало за никому не известного Ганнибала. Это решило исход дела, тем более что в торговый порт из Нового Карфагена в только что построенных кораблях прибыли памятные дары, серебряные слитки, кожи и зерно.

Но вопрос оставался вопросом: чего можно ожидать от юного сына Гамилькара Барки?

В том самом 221 году до н. э. Ганнибалу исполнилось двадцать шесть лет – возраст достаточный для формирования характера. Те, кто замечал в нем сходство с Гамилькаром, вспоминали, как он бросился в бурную реку, наперерез катящимся по ней валунам, увлекая за собой других. Говорили, что он пренебрегал удобными палатками и нередко спал, закутавшись в львиную шкуру, прямо под открытым небом, на земле, под охраной часовых. Он быстро реагировал на возникающие трудности и всегда был начеку. Жару и прочие тяготы переносил не показывая усталости.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.